

Вернувшись домой на такси, я бросила сумку, повалилась на кровать, но легче не стало. Я свернулась калачиком. Говорят, в такой позе младенец чувствует себя в утробе матери в полной безопасности, но почему мне тогда хочется плакать?

Встреча с Чэн Ди. Мы почти не разговаривали, обменялись парой фраз, а я уже на грани срыва. Как же я собираюсь жить дальше? В одном городе, да еще с общим кругом общения — нашим седьмым классом — встретиться немудрено. Но куда мне бежать? Я жалею, что согласилась вернуться в Ичэн. Нужно было настоять на своем, даже если бы родители — мои и Сы Мина — уговаривали меня вместе.

Я уткнулась лицом в подушку, когда телефон пискнул, оповещая о сообщении. Лень было даже шевелиться, но привычка отвечать немедленно заставила меня пересилить себя. Я достала телефон из сумки. С незнакомого номера пришло сообщение: Плохо себя чувствуешь?

Как и три года назад, я интуитивно поняла, что это от Чэн Ди. На губах заиграла горькая усмешка. Я здесь мучаюсь, разрываюсь на части, сбежала от тебя, а ты сама оплатила мой счет, узнала где-то номер и теперь проявляешь заботу. Неужели ты не понимаешь, что я хочу спрятаться? Спрятаться как можно дальше, чтобы никогда, до конца жизни, не видеть тебя...

Но в чем она виновата? Может, после того как Ван Мэй сказала, что мне нехорошо, она просто проявила вежливость, как обычный знакомый? И все же я чувствовала в этом особую нежность. Она не из тех, кто любит заботиться о других, скорее, она немного отстраненная. Но если человек ей дорог, ее внимание становится дотошным и искренним. Даже после семи лет разлуки я чувствовала, что для нее я особенная.

Но прошу, не надо ко мне так относиться. Не надо быть доброй. Я больше не могу выносить твою нежность, эту нежность, в которой я так боюсь утонуть.

Я ответила: Просто женские дни, спасибо за беспокойство.

Да, я хотела подчеркнуть дистанцию, сделать наши отношения холодными, а лучше — заморозить их навсегда. Я вспомнила песню Линь Цзюньцзе Заморозка. Как же я хочу, чтобы наши с Чэн Ди отношения застыли в том времени, когда еще не было боли, или до того, как мы встретились вновь. Но, увы, такого изобретения не существует.

Отправив ответ, я удалила сообщение и отбросила телефон подальше, словно это был вирус, который проникает в кости и управляет мной, как черная магия.

Вечером позвонил Сы Мин и сказал, что завтра ждет меня на ужин. Я согласилась, но голос мой звучал вяло. Он спросил, что случилось, я ответила, что неважно себя чувствую, а он лишь сказал: Жди.

Через полчаса он приехал с кучей моих любимых лакомств. Между нами давно установилось такое молчание: когда я говорю, что мне плохо, он знает — это значит, что плохо на душе.

Такое случалось не раз, и он понял, что только в компании со мной и с моими любимыми снеками мне становится легче.

Я всегда считала его замечательным. Он нежен и внимателен, почти как женщина. Если я не хочу о чем-то говорить, он не давит, хотя сам мучается от неизвестности. Он всегда ищет способ облегчить мою боль. Если я выйду за него, наверное, буду счастлива.

Я вспомнила мужа Чэн Ди. Я никогда не видела его вживую, но знала, что его зовут Го Цзяньсян. Наверное, он не красавец как кинозвезда, но выглядит достойно и вполне подходит Чэн Ди, к тому же он из обеспеченной семьи.

Сначала я хотела заблокировать любые новости о Чэн Ди, но когда она сказала, что выходит замуж, я не удержалась и стала следить за сообщениями в группе нашего класса. Узнала имя, искала в интернете. На сайте развития Ичэна висела информация о его компании, фото с конференций. Я восхитилась выбором Чэн Ди — или выбором ее отца — и успокоилась. Наконец нашелся человек, который будет ее оберегать и даст ей все, что она хочет.

Так не должна ли я радоваться?

Я не вставала с кровати, медленно жуя сладости. Сы Мин включил телевизор, попав на мультфильм про волка и овец. Я бросила на него косой взгляд, но он не переключил, сказав: Неплохой мультик!

Я знала, что он хочет, чтобы я расслабилась, поэтому стала смотреть. Постепенно я уснула, а сквозь сон почувствовала, как кто-то лег рядом, обнял за талию и укрыл одеялом.

Мне безумно хотелось назвать одно имя — то, что глубоко спрятано в сердце и управляет моей любовью и ненавистью. Но я знала, что не могу. Сейчас я могу черпать тепло только от того, кто рядом.

На следующий день я приехала к Сы Мину. Его родители, дядя Сы и тетя Ли, готовили ужин, и я пошла помогать. Дядя Сы — чиновник, скоро на пенсию, в свободное время любит рисовать. Тетя Ли — учитель музыки в школе. Семья у них творческая, и Сы Мин тоже не лишен талантов — умеет рисовать китайской тушью и играть на аккордеоне, хотя выбрал профессию программиста.

Помогая тете Ли, мы разговорились. Она предложила как-нибудь пригласить моих родителей на ужин, и я согласилась. После того как мы начали ездить домой на праздники, семьи сблизилась. Моя мама даже собирается записаться в танцевальный кружок, где тетя Ли — тренер.

За ужином дядя Сы сказал, что правильно я сделала, вернувшись — не нужно метаться между двумя городами, теперь семьи могут собираться в любой момент, а на праздники можно вместе ездить на загородные базы отдыха. Я отложила палочки и ответила, что он прав, хотя сама

почувствовала укол боли от этих невидимых уз.

Я ценю семью, но не стремлюсь к браку, и у меня нет таких ожиданий от жизни, как у старшего поколения. И я прекрасно понимаю, почему — потому что самое глубокое желание в моей душе так и осталось неутоленным.

Через несколько дней я вспомнила, что нужно вернуть Чэн Ди деньги, но то сообщение я удалила. Номера у меня не было, пришлось просить у Ван Мэй. Получив его, я написала, что готова перевести сумму на карту.

Чэн Ди быстро перезвонила, голос у нее был ровный. Она сказала: Разве за услугу не полагается награда? Приходи в воскресенье со мной на цветочный рынок, заодно и деньги отдашь.

Разве перевод на карту не самый безопасный и быстрый способ? Неужели я должна таскаться с четырьмя тысячами наличными, чтобы потом гулять с ней по рынку?

Я промолчала. Хотела отказаться, но побоялась, что излишняя холодность ранит ее. А я этого не хотела — ее сердце и так слишком изранено. Когда-то я была готова на все, лишь бы защитить ее.

Но согласиться? Снова встретиться? Я не хотела глубоко погружаться в наши отношения.

После того как я молчала секунд двадцать, она добавила: В воскресенье в одиннадцать утра у входа на рынок Куньянь. — И повесила трубку.

В воскресенье я пришла. Она была в шифоновом платье с красными цветами на белом фоне, выглядела очень женственно. Я посмотрела на себя: белая футболка с принтом и светло-синие шорты — очень небрежно. Впрочем, я не на свидание пришла, мне было все равно. Я натянула улыбку и спросила: Хочешь купить цветы?

— Один горшок дома засох, хочу заменить.

— Какие именно присмотрела?

— Походим, посмотрим.

Мы вошли на рынок. Она шла, осматриваясь, и спросила: Какие тебе нравятся?

Я в цветах не разбираюсь, поэтому ответила: Не знаю, выбирай, что тебе по душе.

Она подошла к ряду растений и, указав на горшок с бутонами, спросила: Сколько стоит?

Хозяин оживился: У вас отличный вкус! Это жасмин, семена я привез из Тайваня, когда зацветет — будет невероятно красиво! И очень ароматно! А горшок — посмотрите, настоящий фарфор, как подходит к цветам! Цена, конечно, не маленькая, триста девяносто восемь...

Она обернулась ко мне: Тебе нравится?

Я удивилась — ведь не я же покупаю, но ответила: Нравится, думаю, будет очень приятно пахнуть.

Она купила жасмин и велела мне нести его.

Выйдя с рынка, она повела меня к серебристо-серой машине. Я даже не знала, что она водит. Впрочем, удивляться нечему: хоть она и госслужащая, но ее отец и семья мужа весьма состоятельны. А я — офисный планктон с зарплатой в четыре тысячи, о машине пока даже не мечтаю.

Она открыла дверцу: Пойдем поедим.

— Не нужно. Цветы куплены, я принесла деньги, отдам и пойду.

Я хотела протянуть ей горшок и достать из сумки деньги, но она не взяла его, а уставилась на меня. Мне стало не по себе. Она вдруг спросила: Я что, вирус, что ты так от меня бегаешь?

Я застыла. Ее лицо было спокойным, но в глазах читался холод, и я знала, что мои слова оставили на ее сердце очередной шрам.

— Неужели мы даже друзьями быть не можем? Даже видаться не стоит? Стать чужими навсегда?

Я понимала, что веду себя слишком демонстративно, а я не хотела причинять ей боль.

Я опустила взгляд на жасмин, глубоко вздохнула и подняла глаза: Если так тебе будет легче, пусть будет так. Обычные друзья.

Она отвела взгляд в сторону, а потом спросила: А ты как думаешь? Кем еще мы можем друг другу приходиться?

Да, никем другим. Даже если когда-то мы были близки, как рыба и вода. Если быть обычными друзьями — это то, что сделает тебя счастливой, пусть будет так, как ты хочешь.

Я сказала: Хорошо. Пойдем поедим, я угощаю, в благодарность за то, что одолжила мне денег.

Я хотела поставить жасмин в багажник, но она не позволила, велела держать его в руках. Так я и залезла в машину, обнимая горшок.

Она спросила, чего я хочу, я ответила — что угодно. Она отвезла меня в ресторан жареной рыбы. Она обожала рыбу, и я тоже, особенно жареную. Это она знала лучше всех.

<http://bllate.org/book/20983/2130412>